

ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА СТРУКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы факультета документных коммуникаций, Орловский государственный институт культуры (Орел, Российская Федерация)

tatam08@rambler.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СТРУКТУРНО-КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАГАДОК КНИГИ «СТО И ОДНА ЗАГАДКА»

Впервые анализируются литературные стихотворные загадки XVIII века, изданные анонимным автором в сборнике «Сто и одна загадка» в 1790 году, описываются художественные особенности энigmatического жанра в русской поэзии. Автором охарактеризованы способы создания энigmatического образа, предложена тематическая классификация загадок (космогонические, философско-символические, антропологические, анималистические и этологические), а также классификация загадок по типу исходного описания (атрибутивные, релятивные и атрибутивно-релятивные суждения). Рассмотрена субъектно-объектная и субъектно-адресатная структура энigmatических текстов. Семантические и структурно-композиционные особенности загадок указывают на то, что поэт руководствовался особыми педагогическими установками, делая акцент на познавательно-эвристической функции произведений.

Ключевые слова: энigmatический образ, кодирующая часть, интерпретационное поле, когнитивная картина мира, познавательно-эвристическая функция

Последняя четверть XVIII века ознаменовала собой становление жанра русской литературной стихотворной загадки. В 1770–1790-х годах наряду с публикациями в периодических изданиях¹ появляются сборники загадок отдельных авторов, первой среди которых стала книга известного собирателя русского фольклора В. А. Левшина «Загадки, служащие для невинного разделения праздного времени», опубликованная в 1773 году в типографии при Императорском Московском университете. В сборник вошло 110 загадок о временах года и явлениях природы, о небесных светилах и первостихиях, о человеке и частях его тела, о растениях и животных, предметах быта, письма и грамоты и так далее². Издание книги Левшина явилось большим стимулом для последующего развития жанра литературной загадки. Прозаические загадки писателя неоднократно становились объектом стихотворных переложений поэтов, сотрудничавших в журналах «Лекарство от скуки и забот»³ и «Уединенный пошехонец»⁴, а также – поэта Андрея Байбакова (в монашестве – Аполлоса), автора книги «Увеселительные загадки со нравоучительными отгадками, состоящие в стихах», напечатанной в 1781 году в Университетской типографии Н. И. Новикова⁵.

Не менее значимым событием, оказавшим влияние на последующее развитие жанра русской литературной стихотворной загадки и ставшим художественной основой для адаптации этого жанра в поэзии для детского чтения, является публикация в 1790 году книги неизвестного автора «Сто и одна загадка». На титульном листе были напечатаны только инициалы – Г. Б. В книгу вошли тематические циклы загадок, которые с позиций современной классификации можно

определить как космогонические, философско-символические, антропологические, анималистические и этологические⁶.

Тематика и структурно-композиционная организация загадок сборника «Сто и одна загадка» указывают на то, что их автор руководствуется, главным образом, педагогическими установками, делая акцент на их познавательно-эвристическом аспекте. Переосмысливая кодирующую часть загадки, читатель познает богатство окружающего мира, раскрывает его многообразие, но прежде всего знакомится с описанием хорошо знакомых предметов и явлений, представленном в необычном ракурсе.

Специфика жанра загадки заключается в том, что она «обучает, не воспитывая», развивает у человека логическое и абстрактное мышление, формирует «способность образной категориализации, основанной на четком соотнесении категориальных признаков предметов и явлений, наблюдаемых в реальности» [10: 132]. В современной науке загадка определяется как «игровое высказывание, иносказательно кодирующее обозначение какого-либо объекта или явления действительности и предполагающее актуализацию прямого наименования этого объекта в реакции адресата» [3:7].

Знакомясь с завуалированным описанием энigmata⁷, адресат приобретает определенные сведения и навыки, помогающие разобраться в нюансах и закономерностях окружающего его мира явлений. Каждый акт этого познавательного процесса, связанный с расшифровкой кодирующей части загадки, включает в себя в той или иной степени как наглядно-чувственные (эмпирические), так и абстрактные (рационалистические) элементы.

По сути, загадку можно уподобить механизму ассоциативного мышления, в процессе которого «энигматор загадки отображает ассоциаты, а энigmat – то, что в ассоциативном эксперименте выступает как стимул» [2: 38]. В такой системе координат загадка может интерпретироваться и как «обращенный, перевернутый ассоциативный эксперимент: стимул задан по возможным ассоциативным реакциям на него» [2: 38]. Иными словами, кодирующая часть загадки обязательно должна включать в себя номинацию специфических свойств и признаков подразумеваемого феномена, перечень характерных функций, которые способствуют его узнаванию, но при этом сам энigmatический образ по определению не может быть назван в тексте, а должен замещаться соответствующим семантическим аналогом или метафорическим эквивалентом.

Для большинства загадок книги «Сто и одна загадка» характерна ярко выраженная образовательная функция, что является продолжением фольклорной педагогической традиции. Исследователями неоднократно отмечалось, что народные загадки отражают результаты освоения человеком материального мира. Еще М. А. Рыбникова, один из первых инициаторов изучения энigmatического жанра, справедливо указывала на то, что народные загадки в их тематике образуют круг «примитивного мироведения», поскольку содержат иносказательное описание «природы, человеческого тела, мира животных и растений, трудовые процессы земледельца, орудий его труда». Загадка как бы «вскрывает происхождение предмета или его функцию, или же дает его биографию, с начала и до конца его бытия»⁸.

По-видимому, именно такой «мироведческой» направленностью книги «Сто и одна загадка» обусловлено тематическое и композиционное разнообразие напечатанных в ней загадок. Они представлены пятью обширными тематическими группами: космогонические загадки (о первоисториях, временах года, явлениях природы, времени суток); этологические загадки (о предметах труда и быта, письма и грамоты, повседневного обихода); философско-символические (об абстрактных категориях и понятиях); антропологические (о человеке и частях его тела); анималистические (о насекомых, животных, птицах).

Все загадки, кроме одной, автор сопроводил краткими стихотворными отгадками, поместив их в конце книги. Возможно, именно этим обстоятельством обусловлен выбор заглавия для книги: первые сто загадок приводятся с отгадками, и только одна последняя (сто первая) – дается без отгадки, поскольку она представляет собой акrostих:

Здесь всъхъ считается, помножь десяткомъ десять,
А послѣ къ нимъ еще одну меня приайд:
Гдѣ будетъ всъхъ числомъ, скажи, читатель, сколько,
А я молчу о томъ, ты самъ то отгадай.
Да вѣрно, какъ сочтешь, и я скажу что столько.
Коль безъ погрѣшности числомъ нась сосчитаешь,
А тамъ меня легко и скоро отгадаешь⁹.

Обращение поэта к форме акростиха определяется познавательно-эвристическим назначени-

ем жанра, а также структурно-композиционными особенностями загадки, состоящей из двух взаимозависимых компонентов: кодирующей части (импликации) и отгадки (экспликации). Акростичная загадка являет собой синтез обеих этих частей в одной форме, исключая вариативность ее истолкования и тем самым обуславливая однозначность разгадки, что существенно отличает ее от загадки классического типа.

Двусоставная структура характерна и для стихотворных отгадок, написанных поэтом. В частности, в них присутствует адресат обращения и адресант:

Читатель, ты не могъ самъ отгадать меня? // Скажу,
кто я теперь: зовуся солнцемъ я (47); Читатель отгадай,
словамъ моимъ внемля, // Я называюся отъ смѣртныхъ
всехъ земля (50); Когда желаете, о мнѣ, что есмъ, уз-
нать, // Прошу водой меня, не иннымъ чмъ назвать (48).

Композиционная структура отгадок также подтверждает установку поэта на познавательно-эвристическую (образовательную) функцию написанных им загадок.

Наиболее многочисленными являются космогонические и этологические загадки, формируя интерпретационное поле которых, автор использует следующие способы создания энigmatического образа: 1) номинацию¹⁰ перцептивных признаков энigmата (формы, материала, цвета, размера); 2) номинацию функций и действий, совершаемых им; 3) номинацию способов его происхождения и употребления; 4) номинацию его количественных и пространственных характеристик.

Обращает внимание, что в этологических загадках анонимного автора нашла отражение когнитивная картина мира, свойственная дворянскому мироощущению. Объектом имплицитного описания в них являются предметы повседневного обихода, несвойственные крестьянскому быту (румяна, пудра, магнит, карты, кольцо, часы, алмаз, портрет, маска и др.), что указывает на литературное происхождение загадок. В противоположность им фольклорные загадки отражают хозяйственную жизнь крестьянина «во всех мелочах, предметах, повседневных явлениях», они «загадываются о самых обыденных предметах и явлениях, о труде, о трудовом процессе» [6: 142–143].

Репрезентируя предметы и объекты материального мира, относящиеся к дворянскому образу жизни, поэт акцентирует внимание на номинации внешних свойств энigmата посредством указания на его перцептивные признаки: цвет («Мы цвѣтимъ розъ, // Не портит насть морозъ, // Бѣлылы делают на лицах женских глянецъ, // А мы на ихъ щеках лишь дѣлаем румянецъ») (14); форму («Я вѣць кругла собою, // И дѣвшушки всѣ мною, // И женщины всегда, // Коль есть у них когда, // Стараются меня на пальцы надевать...») (28); материал, из которого он изготовлен («Желѣзной иногда, чугунной я бываю, // На корабляхъ, стругахъ всегда я обитаю, // Рогать собою я, бываю и о трехъ // Рогахъ, а иногда я есмъ о четырехъ...») (44).

Наряду с номинацией внешних свойств энigmatического образа в загадках анонимного автора

отображаются функции и действия, производимые зашифрованным объектом («Я камень, о семъ хочу упомянуть, // О дѣйствии, могу желѣзо притянутъ; // И тѣмъ я отъ другихъ каменьевъ отличаюсь. // Скажи читатель! Какъ особо называюсь?») (15), а также способы его происхождения и употребления («Меня для украшенья // И для увеселенья // Все ставятъ на стѣнахъ, // Не въ градѣ, а въ домахъ. // Я виды иногда людей изображаю, // И въ видѣ иногда собакъ, коровъ бываю. // Какой изобразять, стою такой во вѣкъ...») (40). И въ этомъ анонимный авторъ также следуетъ фольклорной традиции. Интерпретационное поле народной загадки, какъ отмечаютъ исследователи, содержитъ скрытое разъяснение ответовъ на два основныхъ вопроса: откуда и для чего? Первый подразумеваемый вопросъ раскрываетъ специфические особенности происхождения энigmата, а второй – характерные для него функции. При этомъ въ обоихъ случаяхъ суть явления определяется «не изъ самого явления, а откуда-то извне, изъ того, что самому явлению внеположено, – конкретно, изъ того, что явлению предшествуетъ и имъ, строго говоря, не является, и изъ того, что въ этомъ явлении востребовано темъ, кто по отношению къ нему “внешенъ” (человекъ)» [11: 14–15]. Иными словами, кодирующая часть загадки представляетъ собой перечень дифференциальныхъ характеристикъ художественного образа, которые позволяютъ читателю (адресату) распознать его зашифрованное обозначение.

Въ загадкахъ данной структурно-семантической разновидности поэтъ отображаетъ миръ дворянской культуры, раскрываетъ специфику бытового поведения. И здесь отдельно следуетъ сказать о загадке про маску, въ основе интерпретационного поля которой лежитъ изображеніе действий и поступковъ человека, принадлежащего къ дворянскому сословию:

Меня не рѣдкие на лица надеваютъ,
Надевъ меня, другихъ собой увеселяютъ.
Тотъ примѣняетъ видъ, наденетъ кто меня.
Мужчиной, женщиной преобразить себя.
И мною въ старика себя преображаетъ,
Меня надевъ, другимъ въ поступкахъ подражаютъ (32).

Воспроизведя атмосферу маскарада, поэтъ акцентируетъ внимание на томъ, что карнавалъ представляется собой не просто увеселительное мероприятие, – его неотъемлемымъ атрибутомъ является игровое начало. Русскому дворянству XVIII века была присуща «жизнь-игра», поскольку представители этого сословия, по словамъ Ю. М. Лотмана, «ощущали себя все время на сцене» [5]. Съ данныхъ позиций литературная загадка можетъ быть определена какъ энigmatический жанръ, культурно обусловленный художественный текстъ, созданный представителемъ определенной исторической эпохи, подчеркивающий самобытность отдельной этнической группы людей и выражаящий специфику восприятия ею мира.

Номинация пространственной характеристики энigmatического образа представлена меньшимъ количествомъ загадокъ, относящихся преимущественно къ космогонической тематике.

Семантическая оппозиция верх/низ лежитъ въ основе интерпретационного поля загадки о росѣ:

Жидка я, какъ вода, изъ облакъ упадаю,
А солнце какъ взойдетъ, опять вверхъ возлетаю.
Невидима никемъ на землю какъ лечу,
Упавши, то траву съ цвѣтами я мочу (10).

Самой малочисленной является группа загадокъ, въ основе кодирующей части которыхъ лежитъ номинация количественной характеристики энigmата. Они представлены текстами этологической и космогонической тематики и по своей структурѣ близки къ такъ называемымъ «числовымъ» загадкамъ, въ которыхъ «число становится главнымъ элементомъ “загадочнаго” текста, а счетъ ихъ – основной операцией подобного текста» [12: 351]. Къ такимъ «числовымъ» текстамъ относятся загадки космологического цикла – «о составе основныхъ элементовъ мирового пространства и структуре соответствующего ему мирового времени... и не только о составе и структурѣ, но и о последовательности, очередности творения» [12: 351]. Во многомъ это обусловлено универсальностью изображаемыхъ авторомъ образовъ, не имеющихъ семантическихъ аналоговъ и ассоциатовъ. Въ качестве примера следуетъ привести загадку о ночномъ времени сутокъ:

Я въ маѣ седьмь часовъ владѣнья составляю,
А въ ноябрѣ еще прибавь десятокъ сверѣхъ:
Когда владѣю седьмь, то спящихъ озлобляю,
Довольство кои въ снѣ свое находять всѣхъ... (4–5).

Имплицитный образъ создается здесь посредствомъ воспроизведения прототипическихъ жизненныхъ ситуаций и реалий, на это указываетъ отсутствие въ текстѣ объектовъ вторичной номинации концепта и логическихъ ассоциатовъ. Образная номинация осуществляется посредствомъ перечисления семантическихъ признаковъ энigmата.

По типу исходного описания загадки изъ книги «Сто и одна загадка» представляютъ собой атрибутивные, релятивные и атрибутивно-релятивные суждения. По своему содержанию любое суждение о предметѣ имеетъ атрибутивный характеръ. Оно всегда отражаетъ принадлежность или непринадлежность признака, качества или свойства тому или иному объекту. Такимъ образомъ, къ атрибутивнымъ относятся загадки, содержащие описание характерныхъ качествъ, свойствъ, признаковъ, действий или состояний объекта действительности посредствомъ использования различныхъ художественныхъ приемовъ украшения речи: такъ, поэтомъ активно используются разнообразные эпитеты, позволяющие охарактеризовать перцептивные признаки энigmата. Например, цветовые эпитеты отдельно практически не встречаются въ загадкахъ. Исключение составляетъ только загадка о небѣ: «Лазуревой мой цвѣть пленять всѣхъ собой. // Читатель! Ты живешь и всѣ живутъ подъ мной» (3). Именно эпитетъ «лазуревой» представляетъ собой своеобразный лексический маркеръ, передающій дифференциальный признакъ энigmatического образа.

Въ остальныхъ загадкахъ цветовые эпитеты используются параллельно съ оценочными эпитетами. Например, въ загадке о блокѣ: «Животное я малое собою, // А спящихъ беспокою; //

Собой черна, // Отчасти и скверна, // Имею также ноги, // Хотя не долги...» (37) или в загадке о розе: «**Я цвѣть изъ всѣхъ цвѣтовъ дороже и милѣе, // Приятнѣе другихъ за тѣмъ, что онъ алѣе. // Даю приятный духъ, пускаю фимиамъ // И тѣмъ приятнѣе кажуся, смертны, вамъ» (11). В загадке о розе основным средством имплицитного описания художественного образа выступает дистантный повтор [7: 237]. Неоднократное употребление оценочного эпитета «приятный» позволяет поэту воссоздать когнитивную картину мира, свойственную современному обществу.**

Использование эпитета как основного компонента энigmатического описания сближает загадки поэта с фольклорными загадками, в которых эпитеты, по наблюдениям В. П. Аникина, «одновременно удерживают свою соотнесенность как с реальным загаданным предметом, так и с реальной предметностью иносказательного образа» [1: 106].

В основе релятивных загадок лежат суждения-отношения. В них акцент делается не на свойствах или признаках подразумеваемых автором объектов, а на взаимосвязи между ними, поэтому в качестве основных способов создания энigmатического образа используются метафора, сравнение и отрицательное сравнение. Метафора представляет собой наиболее распространенный способ кодирования предмета в загадке, «при котором имя одного предмета заменяется именем другого, сопряженного с первым по определенным ассоциативным признакам» [2: 37]. И это связывает отдельные загадки книги с фольклорной традицией. Примечательно в этом отношении, что метафора используется анонимным автором только для создания интерпретационного поля этологических загадок, в которых объектом зашифрованного описания являются предметы труда и повседневного обихода, свойственные крестьянскому быту.

В частности, в загадке о жерновах энigmатический образ создается анонимным автором посредством уподобления «двум братьям», что является примером использования когнитивной метафоры, реализацией «культурно-прагматического “фона”, способствующего установлению и утверждению определенных логических соотношений в разгадке» [9: 16]. Именно метафора определяет в загадке принципы художественного отражения действительности: «Два брата насы в семьѣ, мы в ящикѣ живемъ, // Из камней сделаны, не камнями слывемъ...» (29–30).

Обращает внимание, что в великорусской загадке о жерновах, изданной в сборнике И. А. Худякова, используется аналогичный метафорический эквивалент: «Два брата бранятся, не наспорятся; // Друг с другом дерутся, не разойдутся»¹¹. В обеих загадках метафора служит не только способом вторичной номинации энigmата (предметом замены), но и отражает национальную концептосферу. Когнитивные метафоры, используемые в энigmатических текстах, «вбирают в себя, сжимая до немыслимой плотности, громадный объем духовных движений, объединяя миропонимание с мироощущением» [8: 138].

Следует отметить, что суждения-отношения лежат в основе кодирующей части не только космогонических и этологических, но и философско-символических загадок. Изображая абстрактные категории и понятия, автор использует прием отрицательного сравнения. Употребление данного приема обусловлено умозрительным характером репрезентируемых энigmатов, не имеющих семантических аналогов и ассоциатов. Наряду с этим релятивным загадкам присуща образно-моделирующая функция, которая предполагает репрезентацию стереотипной ситуации посредством создания иносказательного описания. В ходе моделирования ситуации, как отмечают исследователи, загадка «опирается не на прототипические жизненные ситуации, а на вымышленные или потенциальные, произвольно соотносимые с проецируемыми функциями денотата отгадки» [9: 17].

В релятивных загадках (например, в загадке о мыслях) энigmат наделяется автором метафорически описанными свойствами. Данные свойства характеризуются с помощью приема «метафорического отрицания», в котором частица «не» имеет анафорический характер, что придает системе отрицания равновесный характер. По сути, здесь моделируется ситуация утверждения через отрижение:

Не тѣло мы, не вещь, не существо какое,
Не духъ и не душа, такъ что же мы такое?
Летаем всюду мы, хоть не имѣмъ крыль,
У птиц не достаетъ противу нашихъ силъ:
В один час на небѣ и на землѣ бываемъ,
И кратко объявить вдруг Свѣтъ весь облетаемъ.
Заключены хоть мы въ темницѣ завсегда,
Людей обманывать мы можем иногда (22).

Суть сопоставления (уподобления) энigmата и энigmаторов (объектов вторичной номинации) в загадках с подобной структурно-семантической организацией заключается «не в олицетворяющей метафоре, а в отрицании ее реальности в силу наделения ее псевдосвойствами»; при этом «отсутствие в структуре загадки выраженного предиката тем не менее позволяет его реконструировать, исходя из отрицаемого “метафорой” образа» [9: 17]. Интерпретационное поле загадки о мыслях содержит характеристику уникальных свойств энigmата, выделяющих его из ряда других феноменов с аналогичными признаками.

Загадки, в которых одновременно перечисляются признаки, свойства и функции представленного феномена в сопоставлении с другими предметами (объектами), являются атрибутивно-релятивными. Например, загадка о свинце:

Металлов мягче всех, да я и сам металл,
Меня, не знаю, кто в земле изобретал,
Тяжеле меди я, железа, легче злата,
Тяжеле серебра, меня купить, то плата
Почти дешевле всех, железа разве только (26–27).

Несмотря на то что в загадках книги «Сто и одна загадка» присутствуют фольклорные источники, они существенно отличаются от народных загадок по своей нарративной структуре. Все загадки написаны от 1-го лица (фольклорным

загадкам, как правило, свойственно повествование от 3-го лица), что является специфической особенностью жанра литературной загадки последней четверти XVIII столетия. В загадках с подобной структурой энigmata одновременно выступает и объектом авторского изображения, и субъектом речи, поэтому данный тип загадки можно определить как объектно-субъектный.

В современной науке категория лица рассматривается как словоизменительная форма глагола, обозначающая отношение субъекта речи к изображаемому предмету, событию или явлению. При этом 1-е лицо понимается как обозначение говорящего, 2-е – как лицо, к которому обращаются, 3-е – лицо, о котором говорят [4: 86].

В ряде загадок книги «Сто и одна загадка» представлены субъектно-адресатные отношения. К ним относятся тексты, в которых наряду с местоимениями 1-го лица («Я» и «Мы») употребляются местоимения 2-го лица («Ты» и «Вы»). В таких загадках повествование ведется от лица подразумеваемого автором объекта, но при этом имплицитно возникает и образ собеседника, к которому обращается субъект речи (инициатор).

По сути, загадки с подобной структурой представляют собой своеобразную эвристическую беседу, в основе которой последовательность логически выстроенных вопросов или изложение индикативных ситуаций, перечисление качеств и свойств имплицитного образа. Создавая кодирующую часть загадок по такой коммуникативной модели, автор активно использует форму обращения к читателю, стремясь привлечь его внимание к объекту поэтического описания и тем самым вовлечь в познавательный процесс:

Огонь, но не такой, какой в употребленье,
У человека, чтоб им я пользу приносил:
Не равен я против того в моем стремленье,
И чтоб равно как тот, собою я светил.
Мой свет является, минуту освещает,
Минуту светит он, в минуту исчезает.
Тот на земле огонь дает всем ночью луч,
А я с небес даю и днем из облаков и туч.
Читатель! Скажешь ты, что солнце думать должно,
Не думай никогда, и быть тому не можно.
Не называюсь я ни солнцем, ни огнем,
Другое имя мне, загадка не о нем (8–9).

Концовка загадки представляет собой своего рода эвристический прием, посредством которого автор целенаправленно подводит читателей к нахождению отгадки (расшифровке кодирующей части).

Элементы эвристической беседы присутствуют во многих других загадках книги «Сто и одна загадка». К ним следует отнести прием обращения к читателю, наводящие вопросы, переходящие от частной характеристики к общим выводам и обобщениям. Например, в загадке о клее:

Читатель! Отгадай.
И какъ зовуся я, такое имя дай.
Смотри, не ошибися,
Начнешь отгадывать, то съ мыслями сберися.
А я теперь себя подробно опишу,
Названия жъ своего тебѣ здѣсь не скажу.
Отъ мастеровъ своихъ <...> (13).

Подобно эвристической беседе, в первых строках загадки выдвигается проблема, требующая решения. Затем автор (от лица представленного феномена) излагает последовательные суждения об объекте энigmata описания, каждое из которых представляет собой логический шаг, способствующий постепенному осмысливанию исходной ситуации загадки и, как следствие, расшифровке ее кодирующей части.

Отдельно следует сказать о синтаксической структуре стихотворных загадок книги «Сто и одна загадка», представляющих собой сложное (двухчастное) синтаксическое целое, которое с позиций современной науки можно определить как вопросно-ответное диалогическое единство, связанное воедино общей темой и предполагающее как минимум двух собеседников [14]. Тексты загадок анонимного автора состоят из одного или нескольких самостоятельных предложений, имеющих общий предмет описания и общую тему. Все предложения объединены определенными логическими отношениями и образуют семантическое единство. В них, как правило, представлены два типа речи: описание и повествование.

При этом наибольшее предпочтение отдается автором загадкам с повествовательной структурой. Интерпретационное поле этих загадок включает перечисление действий и функций, производимых энigmata образом, или поступков, совершаемых человеком. Изображая время года или суток, поэт акцентирует внимание читателей на тех явлениях, с которыми они традиционно ассоциируются:

Б мое владѣніе народы взопрѣваютъ, // И силы отъ
меня въ нихъ все ослабѣваютъ. // Не зрѣлы еще всѣ бы-
ваютъ и плоды; // Рождаю лѣность я, въ забвении труды»
(4) или на тех изменениях, которые они вносят в окружающий мир: «Настану только я, // То солнце отъ меня //
Начнет тотчас скрываться, // И светъ тот помрачать-
ся, // Которой среди дня Вселенную освещал, // И жаром
солнечным всю тварь отягощал. // Пастушки, пастухи
с полей овецъ сгоняют, // С свирелками они меня к себе
встречают. // Пригнав овецъ домой, // Довольствуются
мной; // И мой как цвет увянет, // То в царство ночь на-
станет (7).

Необходимо отметить, что в загадках с подобной образной структурой гораздо чаще, чем в других, используется прием градации. Употребление многочленного глагольного ряда позволяет обозначить дифференциальные свойства (функции) энigmata, отделить «признак от его носителя, что создает предпосылку мышления об объекте, которое воплощается в предикативных структурах» [13: 451]:

Три мѣсяца въ году владѣнья моего,
И цвѣту своего
Не порчу никогда,
Бѣла всегда.
И землю бѣлизной всее я покрываю,
Плода не приношу, вездѣ тепла лишаю (4).

Наряду с индикативной (познавательной) функцией в загадках книги прослеживаются аксиологическая и апеллятивная функции:

поэт опирается на объем знаний, имеющихся у читателя, и тем самым учитывает специфику его мышления и восприятия. Ориентируясь на особенности детского сознания, поэт стремится создать стереотипный образ и руководствуется установкой на то, что основными доминантами детского мышления являются чувственное восприятие и анимизм (одушевление неодушевленных предметов и явлений). Изображая предметы и объекты материального мира, автор во многих загадках применяет прием олицетворения:

Не птица, я не звѣрь, но бѣгать скоро смѣю,
Летаю птица какъ, хоть крыльевъ не имѣю,
Я не по воздуху, или землѣ хожу,
А по водѣ и вѣсъ я, смертные, ношу;
Протився волнамъ, собой ихъ рассѣкаю,
И птицамъ на водѣ летать не уступаю.
Мнѣ крылья человѣкъ даль, сшивъ изъ полотна,
И съ ними перегнать не можетъ ни одна (41).

Описательная структура (с элементами повествования) используется поэтом намного реже. Учитывая особенности детского восприятия и мышления, автор сосредотачивает внимание на перцептивных признаках художественного образа, способствующих его узнаванию:

Я вѣщь потребная и нахожусь вездѣ, // Въ присутственныхъ мѣстахъ, да и почти нигдѣ // Не могутъ обойтись, меня какъ нѣть, народы. // Тонка, чиста, гладка, бѣла собою я, // Один другимъ даетъ всѣ знать черезъ меня. // Сперва, какъ не было меня еще въ народѣ, // То и бересты были въ модѣ (29).

Проведенное исследование показало, что для литературных стихотворных загадок, напечатанных в книге «Сто и одна загадка», характерны тематическое разнообразие, вопросно-ответная (диалогическая) структура (наличие адресата и адресанта высказывания), презентация объектов окружающего мира в непривычном ракурсе, подмена одного понятия другим, что указывает на присутствие в них познавательно-эвристической направленности. О «мироведческой» функции загадок книги свидетельствует-

ет не только их тематическое многообразие, но и специфика построения интерпретационного поля. В кодирующую часть многих загадок включены элементы эвристической беседы, неотъемлемым компонентом которой являются так называемые наводящие вопросы, стимулирующие познавательную активность читателей.

К художественным особенностям загадок книги «Сто и одна загадка» следует отнести детализированность описания энigmatischen образа (литературная загадка изначально оформилась как жанр письменной речи), что существенно отличает их от фольклорных загадок, являющихся крайне лаконичными по форме и содержанию, ибо они являются по преимуществу жанром устной речи. Вместе с тем подобная обстоятельность описания была обусловлена ориентацией автора на детскую аудиторию. Первые необходимые знания об окружающей действительности всегда преподносились детям в игровой форме, поэтому загадка, являясь разновидностью игры, становится наиболее доступным для понимания маленькими детьми способом передачи первых знаний. Так, литературная загадка, подобно фольклорной загадке, стала жанром, отражающим результаты освоения человеком материального мира. Однако, в отличие от народных загадок, в загадках сборника нашла отражение когнитивная картина мира, свойственная современному дворянскому обществу.

Обращает также внимание, что в загадках книги «Сто и одна загадка» метафорическая образность (наличие предмета «замещения») практически перестает быть характерным компонентом интерпретационного поля, что существенно отличает их от фольклорных загадок. Энigmatischen образ, как правило, создается в них не посредством подбора его метафорического эквивалента, а при помощи номинации его перцептивных признаков (формы, материала, цвета, размера); функций и действий, совершаемых им; способов его происхождения и употребления; номинации его количественных и пространственных характеристик.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В 1760–1790-х годах литературные стихотворные загадки стали неотъемлемой частью таких журналов, как «Праздное время, в пользу употребленное», «Доброе намерение», «Вечера», «Лекарство от скуки и забот», «И то, и се», «Вечерняя заря», «Покоящийся трудолюбец», «Уединенный пощехонец», «Иртыш, превращающийся в Иппокрену», «Зеркало света», «Что-нибудь, еженедельное издание», «Растущий виноград», «Новые ежемесячные сочинения», «Дело от безделья или приятная забава», «Разные письменные материи», «Приятное и полезное препровождение времени», «Прохладные часы, или Аптека, вращающая от уныния» и других.

² Необходимо отметить, что вопрос о происхождении и особенностях загадок В. Левшина неоднократно поднимался в литературоведении. По мнению В. А. Западова, загадки эти являются «книжными, литературными» и имеют иностранное происхождение (См.: Западов А. В. Чулков // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941–1956. Т. IV: Литература XVIII века. Ч. 2. 1947. С. 277). Иной точки зрения придерживается О. Н. Говоркова, которая полагает, что Левшин включил в свою книгу литературно и стилистически обработанные народные загадки (См.: Говоркова О. Н. Русская народная загадка: история собирания и изучения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. С. 4–5).

³ В частности, одна из 6 стихотворных загадок Н. М. Яновского, изданных в № 23 за 1786 год.

⁴ В январском и мартовском номерах журнала за 1786 год было опубликовано 12 стихотворных загадок анонимных авторов, 5 из которых представляют собой стихотворные переложения прозаических загадок В. А. Левшина.

⁵ Загадки Аполлоса антропологической тематики (о языке, носе) и этологический тематики (о вине, свече) являются стихотворными переложениями прозаических загадок Левшина с одноименной отгадкой.

⁶ От греч. *ethos* – обычай, нрав, характер и *lógos* – учение.

⁷ Под энigmatischen понимается объект действительности, закодированный в загадке, а под энigmatorom – предмет замещения, выступающий в кодирующей части. См.: Денисова Е. А. Структура и функции энigmatischen текста (на материале русских загадок и кроссвордов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. С. 5.

⁸ См. об этом: Рыбникова М. А. Загадки. М.; Л.: Academia, 1932. С. 13, 17.

⁹ Г. Б. Сто и одна загадка. М.: В Сенатской Типографии у В. Окорова, 1790. С. 46. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием в круглых скобках номера страницы.

¹⁰ В современной науке номинация определяется как языковое закрепление понятийных признаков, отображающих свойства предметов. См.: Колшанский Г. В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976. С. 19.

¹¹ Худяков И. А. Великорусские сказки. Великорусские загадки. СПб., 2001. С. 411.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аникин В. П. Эпитет в загадках // Фольклор как искусство слова. Вып. 4. Эпитет в русском народном творчестве. М., 1980. 142 с.
2. Денисова Е. А. Энigmопорождающая функция синтагматического ассоциата // Вестник Российской университета дружбы народов. Сер.: Вопросы образования: Языки и специальность. 2008. № 1. С. 36–42.
3. Кондрашова С. С. Языковая картина мира в английской загадке: Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2017. 198 с.
4. Левченко М. Н. Загадка как тип текста // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2011. № 2. С. 82–89.
5. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начала XIX века). СПб.: Искусство, 1994. 399 с.
6. Митрофанова В. В. Художественный образ в загадках // Современные проблемы фольклора. Вологда, 1971. С. 141–151.
7. Москвин В. П. Выразительные свойства современной русской речи. Тропы и фигуры. Общая и частная классификации: Терминологический словарь. М., 2006. 944 с.
8. Порус В. Метафора и рациональность // Высшее образование в России. 2005. № 1. С. 134–141.
9. Семененко Н. Н. Когнитивно-прагматическая парадигма паремической семантики: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Белгород, 2011. 46 с.
10. Семененко Н. Н. Проблема описания функционально-категориального статуса загадок как паремического жанра // Известия Российской государственной педагогической университета им. А. И. Герцена. 2011. № 127. С. 129–135.
11. Топоров В. Н. Из наблюдений над загадкой // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. Т. 1. М.: Индрик, 1994. С. 10–118.
12. Топоров В. Н. Заметка о числовом коде русских загадок // Исследования по этимологии и семантике. Т. 1: Теория и некоторые частные ее приложения. М., 2005. 816 с.
13. Чернейко Л. О. Гипертекст как лингвистическая модель художественного текста // Структура и семантика художественного текста: Материалы VII Международной конференции / Под ред. Е. И. Дибровой. М., 1999. С. 439–460.
14. Чернышев В. В. Текст загадки как сложное синтаксическое целое // Язык русского фольклора. Петрозаводск, 1988. С. 64–70.

Strukova T. V., Orel State Institute of Culture (Orel, Russian Federation)

SEMANTIC, STRUCTURAL AND COMPOSITE FEATURES OF THE RIDDLES FROM THE BOOK “A HUNDRED AND ONE RIDDLE”

The article is concerned with the study of poetic literary riddles of the XVIII century. The poetic literary riddles in focus are analyzed for the first time. They were published by an anonymous author in the book “One hundred and one riddle” in 1790. The artistic features inherent to this enigmatic genre in Russian poetry are described. The author provides detailed characteristics of the methods used to create an enigmatic image. A thematic classification of riddles (cosmogonic, philosophical-symbolic, anthropological, animalistic and ethological) as well as classification of riddles by the type of the original description (attributive, relational and attribute-relational judgments) are provided. The subject-object and subject-address structure of enigmatic texts is considered. The semantic and structural-composition features of riddles indicate that the poet was guided by special pedagogical principles, placing a particular emphasis on the cognitive-heuristic function of the poems in focus.

Key words: riddle, enigmatic image, coding part, interpretation field, cognitive picture of the world, cognitive-heuristic function

REFERENCES

1. Anikin V. P. Epithet in the riddles. *Folklore as the art of the word. Vol. 4. Epithet in Russian folk art*. Moscow, 1980. 142 p.
2. Denisova E. A. An Enigmatic-Producing Function of Syntagmatic Associate. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Problems of Education: Languages and Speciality*. 2008. № 1. P. 36–42.
3. Kondrashova S. S. The language picture of the world in the English riddle. Dis. on ... cand. philol. science. Volgograd, 2017. 198 p.
4. Levchenko M. N. Riddle as a type of text. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics*. 2011. № 2. P. 82–89.
5. Lotman Yu. M. Conversations about Russian culture: Life and traditions of the Russian nobility (XVIII – early XIX century). St. Petersburg, 1994. 399 p.
6. Mitrofanova V. V. Artistic image in riddles. *Modern problems of folklore*. Vologda, 1971. P. 141–151.
7. Moskvin V. P. Expressive properties of the modern Russian speech. Paths and figures. General and private classifications. Terminological dictionary. Moscow, 2006. 944 p.
8. Porus V. Metaphor and rationality. *Higher education in Russia*. 2005. № 1. P. 134–141.
9. Semenenko N. N. The cognitive-pragmatic paradigm of the paremic semantics. Author's abstract. diss. ... of the doctor philol. n. Belgorod, 2011. 46 p.
10. Semenenko N. N. The problem of describing functionally-categorical status of riddles as a paremic genre. *Izvestiya of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen*. 2011. № 127. P. 129–135.
11. Toporov V. N. From observations over the riddle. Research in Balto-Slavic intellectual culture: Riddle as text. Moscow, 1994. Vol. 1. P. 10–118.
12. Toporov V. N. A note about numerical code of Russian riddles. *Studies on etymology and semantics. Vol. 1: Theory and some of its particular applications*. Moscow, 2005. 816 p.
13. Cherneyko L. O. Hypertext as a linguistic model of an artistic text. *Structure and semantics of an artistic text. Materials of the VII International Conference*. Edited by E. I. Dibrova. Moscow, 1999. P. 439–460.
14. Chernyshev V. V. The text of the riddle as a complex syntactic whole. *Language of Russian folklore*. Petrozavodsk, 1988. P. 64–70.

Поступила в редакцию 20.11.2017